

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ: НАШ ТЕАТР НЕГРОМКИЙ, НЕ КРИКЛИВЫЙ, НО ЖИВОЙ

19 марта Театр имени М.Н. Ермоловой празднует свое юбилейное десятилетие. Подготовлена юбилейная афиша, выпущены премьерные спектакли. В преддверии этой даты редакция встретила с художественным руководителем Владимиром Андреевым, чтобы вспомнить славное прошлое, поговорить о настоящем, помечтать о будущем.

— Как вы будете праздновать юбилей театра?

— Сыграем премьерный спектакль «Фотофиниш» П. Устинова в постановке режиссера Сергея Голомазова. Вряд ли будем делать капустник, но застолье для наших друзей организуем. Мы составили юбилейную афишу последних премьер: это и «Странная книга любви» по Ф. Саган, и «Смерть Тарелкина» А.Сухово-Кобылина...

На Малой сцене совсем недавно состоялась премьера спектакля «День космонавтики», не имеющего никакого отношения к космонавтике. Три хорошие актрисы — Александра Назарова, Наталия Поталова и Светлана Головина играют одиноких женщин русской деревни.

Мы начали возводить, наконец, во втором этаже новую малую сцену, которая так необходима нашему театру, чтобы там молодые силы заявили о себе. Мы находимся в категории тех театров — это документально доказано, — которые много меньше других просят средства у государства — и поэтому нам сейчас власти помогают. Надеемся открыться весной 2007 года. Какие-то спектакли нынешнего Малого зала перенесем туда, появятся еще и новые.

Среди молодой режиссуры есть имена, на которые мы надеемся. Я не говорю, что завтра появится — ах, спаситель. Тут я как раз обращаю внимание на людей крепкого среднего поколения — не случайно называю имя Сергея Голомазова, творчество которого мне симпатично. Он работает трудно, серьезно, умеет возвращать в профессию даже тех, кто отвык от серьезной работы.

Как сохранять и развивать связь поколений — предмет моего беспокойства. Несомненно, надо каждый сезон обновлять труппу. Полтора года назад я пригласил в театр несколько перспективных молодых актеров. Сегодня чуть ли не треть труппы — молодежь.

— Сколько человек в труппе?

— Сначала театр Ермоловой разделили, а потом с божьей помощью снова объединили, хотя слияние происходило непросто. Как говорил покойный Равенских на каком-то совещании: «У меня некоторые актеры в труппе с революции 1905 года друг с другом не здороваются». У нас здороваются. Кто-то абсолютно органично вошел в новое дело, а кто-то не до конца заметен. На сегодня в труппе 70 человек, включая приглашенных на разовые.

— Как бы вы сами определили программу вашего театра?

— Наш театр негромкий, не крикливый, но живой. Сейчас этого достичь тоже непросто. Есть чему порадоваться. С успехом идут спектакли «Раба своего возлюбленного» — может, потому что он танцевально-музыкальный, и молодые так азартно в нем работают, как нам в их лета и не снилось. В «Алексадре Пушкине», по поводу которого после выхода соревновались, кто первый прокричит «Ату его, ату» (в первую очередь, конечно, относительно отца и сына Безруковых) сложился интересный ансамбль, так же как и в «Лунных водах» Н.Хан-тера. Спектакль «Перекресток» Л. Зорина, который мы играли сначала с Элиной Быстрицкой, а теперь — с Татьяной Шмыгой, пользуется у зрителя неизменным успехом.

У нас возобновился проект «Театр в Музее». В этом малом пространстве родился спектакль «Ужель та самая Татьяна», где молодая оперная актриса поет и читает стихи Пушкина, и это не очень громкое, но тоже заворающее. Потом там был создан моноспектакль «Мой Булгаков». В Малом зале идет «Смерть Тарелкина» в интересной режиссуре Алексея Левинского. Уже во вторую свою работу он берет недавних моих

выпускников. Нас зря противопоставляют, поскольку нам важно дать возможность развиваться такому интересному художнику, как Алексей Левинский.

Словом, мы не сидим в шалаше и не гадаем, пойдет дождь или снег. Здесь идет работа.

— Как вы были приглашены в труппу театра?

— Андрей Михайлович, когда я учился на третьем курсе, однажды попросил меня задержаться и сказал: «У меня освободилось место». А место освободилось во вспомогательном. Одного в прошлом маляра, ставшего актером, уволили за пьянство. Оклад был смешной, но я, конечно, пошел. Из-за Лобанова.

Один умный человек, известный писатель, сказал мне однажды: «Вы работаете в неоружьем театре, который защищает достоинство человеческой личности». Наверное, он был прав. И эта интеллигентность шла от Лобанова.

— Какие ваши любимые спектакли Лобанова?

— Я очень любил спектакль «Старые друзья» Л.Малюгина. Конечно же, «Пушкин» А.Глобы. Мне тогда казалось, что на сцене жил, страдал и умирал настоящий Пушкин. Помню, как в этом спектакле выносили Пушкина — Якута, и он говорил: «Выше, выше, передохнем, и снова выше». Мы были бодрые, бойкие ребята, учились на втором курсе, но я до сих пор помню, как сжималось сердце оттого, что умирал Поэт.

Был удивительный спектакль «Дачники». А. М. тогда очень увлекался творчеством Немировича-Данченко и тем, как тот искал атмосферу. Эти поиски очень проявились в «Дачниках». Я вот как сейчас вижу эпизод, когда мать и дочь сидят рядом, прижавшись, друг к другу, и мать признается дочери в том, что она любит человека намного ее моложе. И не было в том диалоге никакой твердокаменности, а просто сердечно беседовали две женщины. И это трогало. Тебе неполных 20 лет, а ты начинаешь волноваться, и так желаешь счастья этим женщинам.

— А как «уходили» Лобанова?

— Он болел. Его стали посещать неудачи. Помню, как хорошие, достойные люди, два актера старшего поколения Ермоловского театра, пригласили меня — молодого ученика Лобанова — на разговор. Один из них был связан с А.М. не одним годом совместной работы. Второй был ведущим-разведующим, но Лобанов его жаловал меньше, хотя занимал и помогал ему. Пригласили они меня в квартиру в Столешниковом переулке, мы раздавили водчонки, закусили чем-то случайным, но острым. Они мне говорят: «Обрати внимание, Лобанов много создал, но он болен, ему трудно вести дело. Он почти ничего не предлагает. Надо дать ему возможность уйти». Эта встреча ничего не решала, но выражала ту атмосферу, которая была в театре в то время. Не то чтобы его убрал, но убедили уйти. Он не мог бороться, был не громок, но горд и застенчив. Потом его позвали восстанавливать «Достигаев и другие». Почему позвали? Потому что затряслась тряпина в театре. Оказалось, что мало кто может ставить так, как А.М. Работал он здорово. Однажды я к нему подошел, и сказал: «Как вы сегодня интересно репетировали». А он мне в ответ: «Что ты так долго говоришь-то. Я тебе верю».

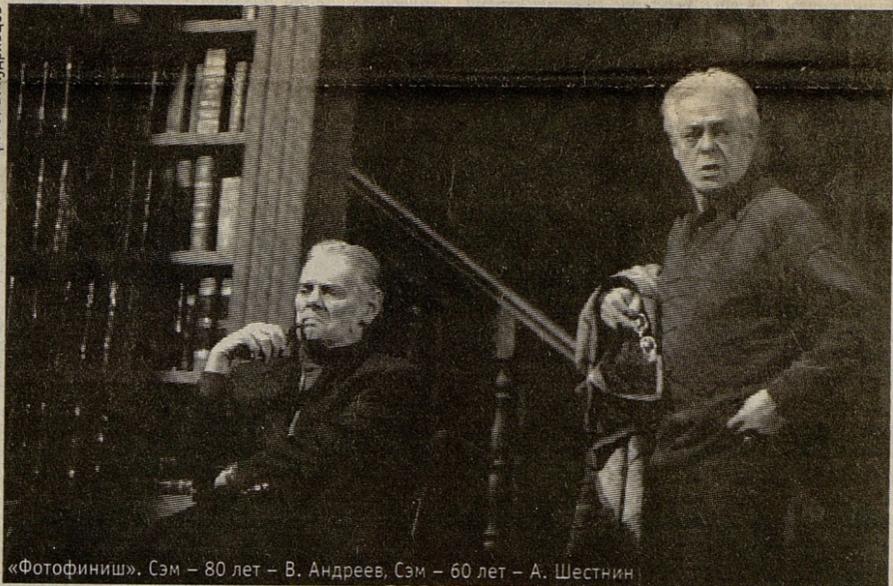
Потом я бывал у него. Он жил на улице Немировича-Данченко. Иду по улице. Он сидит на скамеечке. Здороваясь. Он приглашает в гости. Нас встречает его жена Мария Сергеевна. Она сразу расспрашивает про театр. Он же ко мне интерес потерял. Пошел в книжки разбираться. Я тихонько смотрю, а он стоит в коридорчике и подслушивает.

Осознание приходит поздно, но лучше поздно, чем никогда. Помню, как выходит усталый Лобанов после очередного партсоборания, и Иван Иванович Соловьев с застенчивой улыбкой ему говорит: «Андрей Михайлович, не сердитесь на меня, когда позволяю себе критически выступать, я просто очень люблю искусство». А тот отвечает: «А вы думаете, я его не люблю?» И они садятся за стол и продолжают общаться. Потом, через много лет Соловьев принес извинения в своей книге Андрею Михайловичу Лобанову. Он признался, что не понимал тогда, сколь значителен этот талант.

— И вы дважды входили в эту воду...

— Я с 1985 года по 1988 был в Малом театре. А потом в 1988 году создал со своими выпускниками творческую студию «Тест». Она продолжает жить и сегодня. Мы содержим ее на свои деньги. Некоторые спектакли играем в Малом зале театра.

фото: В. Кудрявцев

«Фотофиниш». Сэм — 80 лет — В. Андреев, Сэм — 60 лет — А. Шестнин

В 1988 году, когда я покинул Малый, мы сделали в студии вариант «Утиной охоты» — «Утиная охота-90». Спектакль «Лев зимой» Дж.Голдмана возили и в Оксфорд, и в Польшу, и в Данию. А потом, когда был раздор, пришли Ермоловцы и позвали меня обратно.

— Вы ведь сами ушли, никто вас не заставлял...

— Как сказать... Меня ведь и из Малого театра никто не гнал, когда я решил уходить. Мне Юрий Соломин звонил из Ленинграда: «Владимир Алексеевич, не делай этого!». Один артист на сборе труппы, куда я уже не пришел, выступил: «Владимир Андреев нож всадил в спину Малого театра». И все-таки я не думаю, что мое присутствие в Малом было до конца органично. Я уходил, не цепляясь ни за что. Думаю, одно из моих немногих достоинств — то, что я никогда ничего не высказывал и не выпрашивал.

— Между вашим уходом из театра и уходом Лобанова для вас были общие моменты?

— Конечно. Ну что я буду говорить о своих печалях, которые у каждого человека есть.

Был момент, когда я — не только официально признанный художник, но и довольно успешно действующий руководитель театра, назначался правительством в Малый. В тот период я поставил в Ермоловском «Дядю Ваню», в котором играли Александр Михайлов, молодые Светлана Головина и Лена Силина, Всеволод Якут... Покойная Эдда Юрьевна Урусова играла мою маму, Юра

Медведев играл Вафлю, Елена Павловна Кононенко играла няню. Этот спектакль мы ставили вместе с моим товарищем по педагогике Ириной Судаковой. В этой работе замечательный художник Александр Павлович Васильев вдруг позволил себе через живопись создать удивительный образ русской осени. Там было настроение, мысль, тающая вместе с любовью жизни.

Тогда наверху и возникло вполне естественное мнение, что мне надо расти.

И вдруг меня пригласили ставить «Берег» Ю.Бондарева в Малый. Также меня пригласили и на беседу, где сказали: «Сынок, пора брать под козырек». И сказал мне это второй человек в государстве. Потом пригласил Министр культуры СССР Демичев с тем же самым. И я честно ответил, что не готов к этому. Вызвали снова, а потом спросили: «Вы хотите заниматься искусством?».

Я очень ждал, что Ермоловцы, которые говорили: «Мы пойдем, скажем «не отбирайте», выполнят свое обещание. Не пошли.

В тот момент, к великому сожалению, одного человека в труппе уже не было. Это Иван Иванович Соловьев. Он был крутой, непростой, опивавшийся, но очень принципиальный. Когда состоялось мое назначение на должность главного режиссера в 1970 г., он очень трудно принял мою кандидатуру. Но потом признал. Ревниво отнесся, когда я начинал какую-то работу, не занимая его. Мы с ним вместе сделали много спектаклей — «Завтра в семь», «Горное гнездо», «Играем Стриндберга». Он играл Ивана Грозного в моем спектакле «Василиса Мелентьева». В «Беге» мы встретились как актеры: я Голубков, он Хлудов... Если бы тогда Соловьев был жив — он бы мне помог правильно разрешить ситуацию.

В театре рассказывали, что когда Хмелева назначили руководителем МХАТа (а он в это время возглавлял Театр им. Ермоловой), и он хотел распрощаться с Ермоловским, то Соловьев собрал компанию студийцев и сказал Хмелеву: «Что же вы делаете? Как же вы предасте дело, которому служили?». И Хмелев остался. Но поступил мудро, пригласив в 1939 году Андрея Михайловича Лобанова на постановку пьесы «Время и семья Конвей» Дж.Престли.

И у меня был момент, когда я еще не ушел, еще внутренне как-то цеплялся. Все казалось: артисты поддержат, помогут. А потом узнал, что в театре ходит список за талантливого, сильного, жесткого человека Валерия Фокина. И тогда я себе сказал: «Отваливай».

Я до сих пор испытываю теплые чувства к людям Малого театра. С благодарностью вспоминаю корифеев. Помню, как Ильинский мне говорил: «Я против тебя Горбачеву жаловаться не буду! А на Мишку я — ох, наговорю!» И Любезнов, и Хохряков, и, конечно же, Царев.

Мне оформили перевод в Малый театр. Это тогда решалось в Политбюро, а потом в Министерстве культуры.

Я не участвовал в битве. В Ермоловский пришел Валерий Владимирович Фокин. Он был апологетом театра на новой основе, но его идея не смогла воплотиться в этих стенах. И он повел себя в этой ситуации очень достойно.

Медленно, постепенно два коллектива объединились. Первой общей работой стал спектакль «Мария Стюарт» Ф.Шиллера.

А сейчас я думаю о том, как успеть приобщить людей к театру, к его традициям. Как не позволить себе дожить до такого состояния, когда будет плевать на все. Хотелось бы честно себе признаться: «Я дело сбегал на радость друзьям и на зло врагам». Хочется передать дело тем, кто имеет на это право. Должна быть эстафета.

Беседу вела Ольга ГАЛАХОВА

113) 2007 (113) март (113) март (113) март